

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 136 (4102)

Четверг, 5 ноября 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

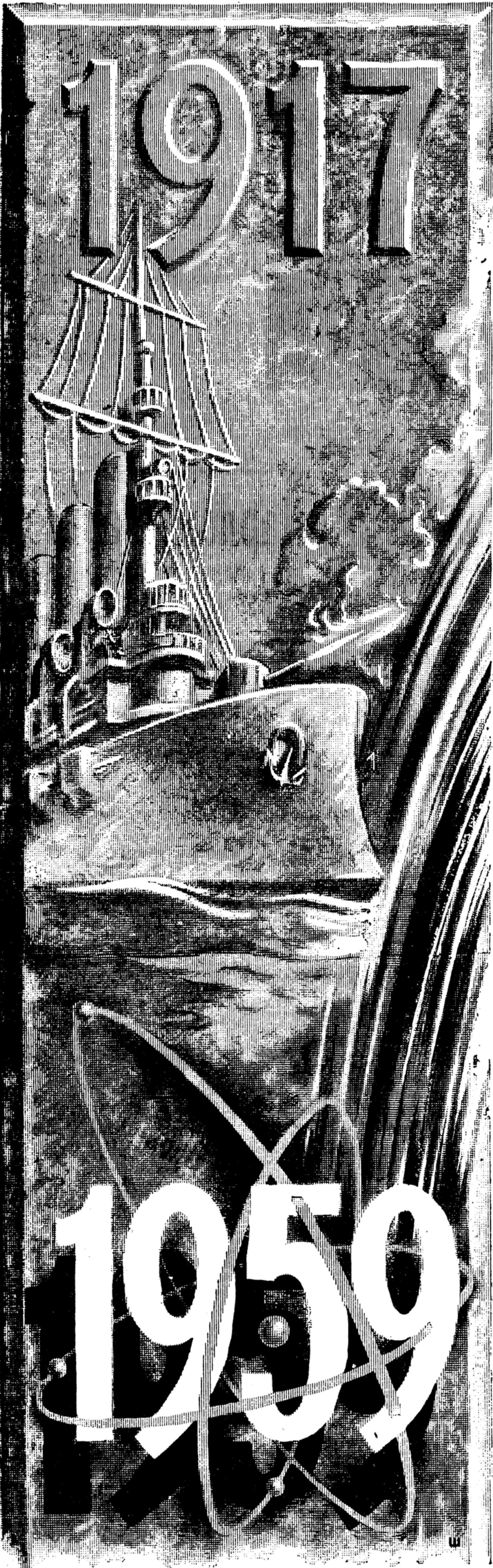

Рисунок А. Шульца

Сергей МИХАЛКОВ

ДВА ЗАЛПА

Когда б не грянул залп «Авроры», Тогда б в космическом просторе
Что возвестил советский строй, Не прогремел бы залп второй.

Владимир МАКСИМОВ

ВЕКОМ СУЖДЕНО

Крепостным клейменная чеканом,
Знатью четвертованная власть,
Русь считалась краем доматканым,
Стороной сермяжной завласть.

Но она — найди тому мерило —
Старый мир за шворот взяла,
Собственные сказки претворила
В самые реальные дела.

Гордая, она шагает в ногу
С думой дерзновенной своей.
Сторожится и дает дорогу
Все другие государства ей.

Что там государства!
Потруднее
Родной задаче решена:
Космос расступился перед нею,
Поделилась тайнами Луна.

Силы напрягая до предела,
Лет она не упускала зря,
Ей хватало для такого дела
Сорок два рабочих Октября.

Веком суждено — на зависть свету —
Родине моей, а не другим
Первым залпом — разбудить планету,
Разбудить Вселенную — вторым.

Георгий МАРКОВ

Красота человеческая

НА ДВОРЕ осень. Как говорится в народе, зима стучится у околицы. Но стоит посмотреть на веселые лица наших людей, на праздничное кипение городских улиц и площадей, стоит прислушаться к звонким голосам, что плывут над тихими селами и станицами в сумерках вечеров, и кажется, не осень, а весна у нас, на советской земле, в полном разгаре.

Что случилось? Почему это происходит? Да потому, что никогда еще не была наша жизнь такой насыщенной выдающимися событиями, такой стремительной, такой яркой, озаряющей наше будущее.

Сорок два года существует Советское государство. Почти половину этого времени мы затратили на борьбу с нашими врагами, вынудившими нас взяться за оружие, и на то, чтобы восстановить разрушенное войной. Фактически только немногим более двух десятилетий мы заняты мирным социальным трудом. А сколько сделано! Сегодня человечество, изумленное нашим подвигами, смотрит на нас восхищенными глазами.

Это мы — бывшая деревянная, неграмотная «Ряся» — первыми в мире запустили искусственные спутники Земли, это мы забросили на Луну вымпел Советского Союза, это наша ракета стала спутником Солнца, это наш первый в мире атомный корабль бороздит морские просторы, это мы запустили в безбрежные космические пространства умную, хитрую машину, за сотни тысяч километров извещающую нас о тайнах других миров, это мы бросили вызов на мирное соревнование самой богатой капиталистической стране — Соединенным Штатам Америки, это мы завоевали сочувствие всего человечества своим миролюбием и гуманизмом, призвав все страны к всеобщему и полному разоружению.

«Кто же эти «мы»? Мы — это трудовой народ, соль земли, производители всех материальных и духовных сокровищ. Мы взяли свою судьбу в собственные руки и уверенно кум счастье всех людей и счастье каждого советского человека — счастье, называемое коммунизмом.

Размышляя о величайших свершениях, происходящих на нашей советской земле, я пытаюсь окинуть взором жизнь своего поколения, стараюсь охватить перемены, которые стали фактом на глазах моих сверстников. Эти перемены фантастичны.

Не первый раз в жизни приходится мне подобными газетными выступлениями откликаться на дорожные праздничные даты нашего народа. Впервые о празднике Октября я написал как селькор из глухой сибирской деревеньки в 1925 году. Я был тогда комсомольцем и поднапом. С радостью я сообщал тогда в газетной заметке об открытии у нас избачитальни и об общественном колхозе, вырытом силами комсомольцев. И это были заметные события не только для нашей деревни, — о них говорили по всему округу.

Где же они, эти люди, открывавшие в те годы избачитальни и рывшие общественные колхозы? Если они не паши смертью храбрых в битвах с врагом, отстаивая завоевания революции, то все они сегодня стоят на великой трудовой вахте коммунизма.

Мысленно я вижу одних за рычагами тракторов и за штурвалами комбайнов на целинных землях Сибири и Казахстана, другие возводят железобетонные сооружения на гидростройках Волги и Ангары, третьи склонились над замысловатыми чертежами нынешних и будущих космических кораблей. Да, чудесны наши свершения, фантастичны наши машины, прославившие нашу Родину как страну пе-

редовой науки и техники, но прекраснее и величественнее всего советский человек, умом и руками которого содеяны эти чудеса.

И вот, когда думаешь о красоте советского человека, о животворной силе его труда, одухотворенного коммунистическими идеалами, невольно задерживаешься мыслями на советской литературе, на ее месте в нашей жизни.

Задолго до нас люди знали и понимали силу художественного слова. Но значение этого слова в наших условиях возросло во сто крат. Обращенное к народу, оно должно поведать ему сокровенную правду о нем самом, помочь ему увидеть себя в труде и битве, в радости и горести и воодушевить его на новые подвиги во имя торжества грядущего. Вдохновляемая необоримыми, всеобъемлющими идеями коммунизма, литература нашего общества имеет все для того, чтобы подняться до невиданных художественных высот и обрести еще большую силу влияния на человека.

В эти праздничные дни все советские люди, на каком бы участке они ни трудились, задают себе вопрос: что они реально сделали для того, чтобы ускорить наше продвижение к коммунизму? Подводить итоги своей работы, анализировать ее результаты, заботиться о prestожном — все это вошло в плоть и кровь советских людей, стало нашей традицией, замечательной традицией. Таким же чувством хозяйского размышления о сделанном, о предстоящем охвачены и мы — советские писатели. Наш труд, правда, не поддается измерению в центнерах и тоннах. Но неверно думать, будто он не поддается вообще никакому учету. Напротив, он незыблем, но ежедневно, ежедневно измеряется и оценивается народом, его чуткой, строгой, справедливой душой.

Итак, что же мы сделали реально на сорок втором году революции? Я мог бы назвать десятки ярких произведений, перечислить фамилии писателей, поразивших читателей в этом году новыми книгами, но это получилось бы громоздко и утомительно. Сошлюсь на свою беседу с одним критиком. Этот осведомленный в текущей литературе критик высказал такую оценку нашей писательской работы за последнее время:

«Урожайно нынче на литературном поле. Много хороших, искренних, правдивых книг появилось о нашей современности. Отрадно отметить, что литература ближе подошла к герою нашей действительности, глубже стала ее суждения о времени, пронизанном духом исторических решений XX и XXI столетий КПСС, вернее картины нашей жизни. Конечно, вершины, которая смогла бы своим могучим сиянием потрясти сердца миллионов, не появилось, но бесспорно и то, что появление таких сияющих вершин в литературе — не простое дело...»

Да, это правильно. Будем надеяться, что критика с участием прозаиков, поэтов, драматургов тщательно разберется, что же нового о советском человеке сказала в самом последнем времени наша многонациональная литература.

Торжественные дни переживаем мы. Но все-таки не будем торжественностью момента прикрывать то здоровое чувство неудовлетворения своей работой, которое есть у нас, советских писателей. Много, необычайно много нам нужно еще сделать, чтобы правдиво запечатлеть размах, простоту и величие нашей жизни. Год от года мы становимся зрее, опытнее, прибавляется у нас сил. Тем более нетерпимы примитивные, скороспелые подделки, в которых авторы, желая якобы «резать правду-матку», выпускают на свет божий жалкое, серенькое подобие современного человека, барахтающегося в узком, убогом мире мелочных переживаний. Нечего греха таить, такие подделки еще имеют хождение.

Хочется сказать авторам подобных произведений: «Откройте глаза пошире, безбоязненно обнажите свое сердце, чтобы оно стало более чутким к дыханию нашей эпохи, вглядитесь в то, что происходит вокруг нас, и вы увидите, что настоящий герой в нашей жизни и кому по праву должны принадлежать страницы ваших произведений!»

На днях у меня произошел крайне поучительный разговор с двумя молодыми поэтами. Не стану называть их фамилий, дело тут не в фамилиях. В свое время эти поэты не проявили критического отношения к тем немногим произведениям, о которых у нас говорилось, как о страдающих изъязвленной очертностью советской действительности. Под явным влиянием чуждых нам настроений молодые поэты отдали дань бездумному критиканству нашей жизни, которую они знали крайне плохо. Товарищи по работе искренне помогли им, критиковали их. Наконец, удалось уговорить поэтов поехать посмотреть страну, пообщаться со своими современниками. Они побывали на крупных предприятиях, на стройках, в колхозах. Затратили они на верную едва ли больше двух месяцев, но получили совершенно обновленные, переполненные впечатлениями, рвущиеся к образному осмыслению этих впечатлений. Соприкосновение с горячей действительностью, с разнообразным и богатым миром советского человека быстро выветрило их языки, исключило и помогло им выбрать направление и материал для работы.

Велико и неотразимо воздействие жизни на каждого писателя, на всю литературу в целом. Коммунизм, его живая вседневная практика щедро оплодотворяют писательский труд. Коммунизм открывает перед писателем такие горизонты художественного видения, каких не было у писателей ни в какие другие эпохи. И это огромное наше счастье, которому завидовали бы самые крупные художники слова всех времен.

Михаил СВЕТЛОВ

ОКТАБРЬ

Мы трудимся — мечты солдаты,
Проводим жизнь свою не зря.
Мы на пороге новой даты
Развернутого Октября.

Мы шли, в истории впервые,
К событиям, в нас поклон.
Октябрь не только всю Россию,
Подлинно обнимает он.

Уча любить и ненавидеть,
Пройдя сквозь ужасы войны,
Октябрь помог Луну увидеть
С другой, обратной стороны.

И нас встречают добрым словом
На всех путях СССР
И мальчик в галстуке багровом,
И большевик-пенсционер.

(Окончание на 3-й стр.)

Илья ЭРЕНБУРГ

В ПРЕДВИДЕНИИ ВЕСНЫ

ОДИН французский скептик недавно полчасика доказывал по радио, что ничего на свете не изменилось, нужно не разоружение, а сверхоружение. Упомянув мимоходом о некоторых событиях последнего времени, скептик привел последицу, существующую не только во Франции: «Одна ласточка еще не делает весны». Вряд ли эта поговорка логична: ласточки не дуры и зимой в холодные края не прилетают. Разумеется, и ласточки бывают разные — скажем, прилетая к любимому газетам словарю, есть ласточки-прогрессистки и ласточки консервативного толка; первой вылетает на север самая смелая, за нею следуют остальные. Может быть, первой ласточке и бывает трудно — заморозки, мало корма, но, видя ее, мы знаем: приходит весна. А в общем не ласточки делают весну, весна делает ласточек. Если различные государственные люди начинают предпочитать переговоры угрозам и мирное сотрудничество — «холодной войне», то это продиктовано волей сотен миллионов людей, победой идей мира, началом весны.

Мы давно отстаиваем всеобщее разоружение; теперь за разоружение начинают высказываться многие государственные деятели Запада. Ино, что, разоружившись, английские консерваторы отнюдь не откажутся от своей идеологии, как не откажутся от социализма социалистические страны: идеи — это то оружие, от которого ни один мыслящий человек не вправе отступиться, и борьба идей будет продолжаться. Она не помешает ни мирному существованию, ни международной торговле, ни развитию научного и технического сотрудничества. Но естественно встает вопрос: мыслимо ли мирное сотрудничество в других отраслях культуры — в литературе, в искусстве?

Казалось бы, писателям легче найти между собой общий язык, чем дипломатам, но это не так: есть среди литераторов люди, которые настолько вжились в трескучие морозы «холодной войны», что при виде первой ласточки они склонны объявлять воздушную тревогу. И только что прочитал о романе одного английского поэта и о статье одного итальянского прозаика, которые ставят под сомнение возможность, да и желательность диалога между писателями Запада и советскими писателями.

Как бы ни был полезен личный контакт между писателями, художниками или композиторами, не он определяет культурное сотрудничество, а взаимное знакомство с романами, полотнами, симфониями. Одно дело — дипломатия, другое — литература. Личный контакт, переговоры, возникающие при разговорах, куда скорее могут привести к соглашению, нежели самые красноречивые ноты; но как ни приятно беседовать с Хемингуэем

(я его знаю и люблю), существенное ознакомиться с диалогом его героев. Впрочем, сторонники «холодной войны» в культуре возражают не только против личных встреч, но и против расширения обмена книгами. По их словам, советская литература — это «пропаганда», а поскольку они сами занимаются предпочтительно антисоветской пропагандой, то им куда выгоднее знакомить своих читателей с перекосом плохого советского романа, чем с текстом хорошего.

К счастью, наиболее крупные писатели Запада думают иначе. Мы с удовольствием прочитали письмо Хемингуэя в «Литературную газету». Весной этого года большие французские писатели Франсуа Мориак и Жан-Поль Сартр обратились к конгрессу общества «Франция — СССР» с прекрасными посланиями, в которых говорили о необходимости расширения и укрепления культурного сотрудничества с Советским Союзом. В Италии и в Японии, в Индии и в Швеции мне говорили о том же видные писатели различных политических толков.

Я знаю, что перейти от огульного отрицания, от «железного занавеса», от навывок заранее перекреститься и хлопнуть погромом тверью к эпохе мирного существования будет нелегко. Каждый понимает, что куда проще наладить сотрудничество в области точных наук, нежели в искусстве или в литературе: очевидно, великая польза, да и меньше препятствий, вытекающих из различия идеологии. В годы «холодной войны» Жюлио-Кюри говорил, что разобщенность ученых, попытки засекретить научные достижения неизбежно приведут к культурному застою. Многие с тех пор изменились. Ученые как бы опередили события: задолго до осени 1959 года на ряде научных конгрессов парил новый дух. Теперь астрономы всего мира с понятием волнением изучают данные о неизвестных районах Луны, которые им предоставили советские ученые. Никто на Западе больше не отрицает, что во многих областях физики, астрономии, математики, химии сотрудничество с советскими учеными стало насущной необходимостью. С другой стороны, имеется немало отраслей различных наук, в которых для советских ученых существенно поддерживать тесную связь с учеными западных стран.

В высоком обмене научными открытиями есть нечто общее с весьма прозаичным делом — с международной торговлей. Ино, что ни советское Министерство внешней торговли, ни западные импортеры не станут покупать плохой товар. В точных науках можно с точностью сказать, что хорошо и что плохо, — на то они «точные»; здесь нет простора ни шарлатанам, ни рутинерам.

Нет здесь также идеологических отводов: можно сказать, что советские спутники Земли с большей точностью выходят на орбиту, чем американские, можно сравнивать научные аппараты того или иного спутника, но даже самый страстный приверженец «холодной войны» не станет утверждать, что советские спутники способны отравить стратосферу марксистскими идеями.

Нет аппаратуры, определяющей размеры художественного таланта или гения. Чехов говорил, что он не сможет доказать, почему Шекспир лучше Златовратского. Оценки художественных произведений неизменно субъективны, расходятся часто даже люди, связанные общим мировоззрением. Вполне понятно, что отбор талантов: можно и ошибиться, и передрнуть, выдать брава за шедевр, моду — за стиль эпохи. В горячке «холодной войны» мы видели не раз попытки произвольно опереться на то или иное художественное произведение. Если говорить о литературе, то советская литература в ряде западных стран почти неизвестна. Если во Франции, в Японии, в Италии вышло немало переводов самых различных советских авторов, то в Соединенных Штатах, в Англии, в Скандинавских странах с советской литературой знакомы скорее по литературе о литературе, нежели по самим произведениям.

Советские издательства были разумнее американских, у нас выходили переводы Хемингуэя, Стейнбека, Колдуэлла, Фолкнера, Сарояна; если брать только несколько последних лет, то мы видим, насколько успешно используются советского читателя произведения Хемингуэя, Ремарка, Грина, Морауви, других западных писателей. Но несчаем умалчивать о недостатках и наших издательств: отбор французских, скандинавских или японских авторов часто случаен; немало пробелов нам нужно пополнить.

В течение сорока двух лет наши недоброжелатели старались погасить интерес к нашей литературе, к нашему искусству: «Все это пропаганда красных и только...» Однако, хотя Чехов не мог по-научному доказать превосходство Шекспира над Златовратским, и в искусстве случайное быстро забывается, а подлинное преодолевает все преграды, доходит до сердец, остается. Можно взять любую историю кино — американскую, английскую, французскую, — в ней обязательно будет глава, посвященная Эйзенштейну, Довженко, Пудовкину. Многие итальянские кинорежиссеры говорили мне (а в последние годы итальянская кинематография была самой значительной), что им помогли найти свой путь фильмы названных мною советских художников. Никому на Западе не придет в голову отрицать значение

УДИВИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ

ЧТОБЫ писать стихи, надо обладать способностью удивляться. А между тем наш психологический аппарат устроен так, что через день мы уже говорим:

— Слышали? Еще одна ракета на Луну.

— Да, знаете, это удивительно.

И тут же переходим к делам обыденным, к делам повседневным.

Неспособность воспринять утраченную, а, попросту говоря, человека середины двадцатого столетия ничем не удивить.

Значит, чтобы вернуть себе завидную, поистине удивительную способность удивляться, надо ночью вспоминать.

Можно сказать, что за 42 года советский народ прошел путь от самодержавия до периода развернутого строительства коммунизма. Это будет правда. Но можно сказать еще — причем без пренебрежения, — что пройден путь от лучины до ракеты, заброшенной на Луну.

Космическая ракета — итог такого комплекса всевозможных умений, что надо сказать прямо: если страна сумела забросить ракету на Луну, значит страна умеет все. Если страна оказалась передовой в области космического ракетостроения, значит, она действительно самая передовая во всех отношениях страна.

Нельзя уметь создавать космические корабли и не уметь варить сталь, не уметь строить счетно-аналитические машины. А топливо? А механизмы, действующие на борту ракеты, а разнотехника, а вся эта техника фотографирования Луны и передачи изображения на Землю? Пожалуй, трудно найти область народного хозяйства, которая так или иначе не имела бы — пусть иногда косвенно — отношения к триумфальным полетам наших ракет.

Кроме того, нужны деньги.

Может быть, из последних силенок потянувшись бедная страна? По полочкам подела, по сусалам поскребла и кой-как наскребла на дождок? Что толку, что вышел от румяный да поджаристый: сусеки-то ведь у пометены и подскребены?

Но не найдется человека, который не согласился бы с тем, что именно за последние пять лет благосостояние всего народа выросло в такой степени и достигло такого уровня, какого не было за всю историю Советской власти. Никогда не строилось столько жилых домов, никогда не произвело столько хлеба, мяса и молока. Никогда налоги, взимаемые государством, например, с крестьян, не были столь низкими. И бы сказат даже, что налоги эти имеют теперь символический характер.

Вместо налогов с садовых деревьев, с коровы, с овцы, с пчел, с кур и т. д. в деревне введен единый сельскохозяйственный налог с каждой сотки земли приусадебного участка. А в ближайшее время правительство нашего государства намерено полностью ликвидировать налоги с населения.

Итак, космическая ракета — итог не только высокого развития всех областей науки и всех областей техники, результат не только общего культурного уровня народа, но и материального благополучия страны.

Итак, значит, все в этом стихотворении о жертвенности позволения было правдой?

Не надо и нельзя упрекать поэта Евгения Травина за то, что, сражаясь на фронте, между двумя боями, он увидел лишь половину, или три четверти, или семь восьмых правды.

Не в том дело, что в стихотворении не хватало правды искусства, а в том, что правда жизни оказалась выше и сильнее.

Открыватель Луны встает на колени перед памятью павших, но все дело в том, что он, открыватель Луны, сверстник и товарищ поэта, что он принадлежал к той же когорте, от лица которого написан стихотворение. И, скорее всего, сам — бывший фронтовик.

Значит, при всей талантливости и силе воздействия в стихотворении не хватало какой-то

Вдовенко, у доярки, секретаря комсомольской организации колхоза Галины Титянохи, у вдовы, рядовой колхозницы Анны Мухомовой. Впрочем, всех не перечислишь — 35 семей вселяются в новые дома.

И в какие дома? Кирпичные, под черепичными крышами, с мазардами и верандами. В каждом из них — по три или четыре комнаты и все удобства: туалет, ванная с душем, туалет, паровое отопление и даже такие совершенно неожиданные для сельской «хаты» вещи, как встроенный в стену платяной шкаф, или, скажем, уличный шкаф, или скрытая электропроводка. И, конечно же, ни в одном из новых домов не встретится знаменитой «русской печки», той самой, в которой пекли хлеб и без которой, казалось, нет жизни в деревне.

Прощай, старушка-печка... Вместо тебя в уютной кухоньке стоит новенькая, блестящая газовая плита, с первого же дня навсегда завоевавшая сердце хозяйки. В спальне стоит широкая, красивая кровать, а наверху в мазарде — маленькая детская кроватка. Они куплены только вчера. Потребительская кооперация, проявившая на этот раз похвальную расторопность, завезла сюда накануне новенькую мебель: больше чем на 100 тысяч рублей.

Новые дома — новая обстановка. Весь облик села — новый. Тротуары, покрытые асфальтом. Высокие двухэтажные здания. Одно из них уже готово, и новоселье в нем больше всех радуются каваровские ребята. Это — школа, которая тоже ничем не уступает городским зданиям такого типа. Сегодня она будет торжественно открыта, и вторую четверть учебного года школьники начнут уже в новых классах.

Сейчас, когда вы читаете эти строки, в Каваровке — знойный дождик. Это дождик, нет, тропичный дождик: массовое новоселье, успешное завершение полевых работ, каун Октябрьской годовщины.

Каваровский колхоз носит символическое название «Дружба». Здесь дружно строят новое село, дружно выращивают высокие урожаи — в этом году артельный доход, по предварительным подсчетам, превысит 5,5 млн. рублей. У каваровцев много друзей. Они пригласили их на Киевский праздник — друзей из Киева, из соседних сел и районов, из подмосковного Куньинского района, с которыми они соревнуются. Сегодня хозяева и гости высадят рядом с новыми домами первые деревья «Аллеи Дружбы».

К. ГРИГОРЬЕВ (Наш корреспондент)

Село Каваровка, Киевская область. Фото Я. Поволоцкого

Сегодня в Каваровке новоселье у плотины Григорьевой и благоустроенный населенный пункт городского типа. Эта программа рассчитана на несколько лет. Но прошел довольно короткий срок, и многое из того, что считалось тогда «звездами», стало уже «сегодняшним», вошло в жизнь села.

Сегодня в Каваровке новоселье у плотины Григорьевой и благоустроенный населенный пункт городского типа. Эта программа рассчитана на несколько лет. Но прошел довольно короткий срок, и многое из того, что считалось тогда «звездами», стало уже «сегодняшним», вошло в жизнь села.

Сегодня в Каваровке новоселье у плотины Григорьевой и благоустроенный населенный пункт городского типа. Эта программа рассчитана на несколько лет. Но прошел довольно короткий срок, и многое из того, что считалось тогда «звездами», стало уже «сегодняшним», вошло в жизнь села.

Владимир СОЛОНХИН

Из времен войны я вспоминаю стихотворение, услышанное мною в каком-то литературном кружке и точас сваченное памятью. Немного небрежное по форме, в манере Литературного института самой предвоенной поры, оно не могло не запомниться, как всякое сильное, талантливое стихотворение. От лица сверстников, воюющих на фронте, от лица поколения, охваченного огнем войны, автор говорит:

К неотрепетному Полулю мы не протопчем тропинки, Не проложим туннелей по океанскому дну,

Не подарим потомкам Шекспира, Розина и Глинка, Не налезим проказы, не вылетим на Луну.

Мы готовились к этому, шли в настоящие люди,

Мы учились упорно, в ночи не смыкая глаз,

Мы мечтали об этом, но знали прекрасно — не будет,

Не такую работу век приготовил для нас...

Работа по уничтожению фашизма на земном шаре, доставшаяся на долю поколения, от лица которых написаны стихи, — тяжелая, черная работа. Кроме того, вот что с ней связано:

Может, был наш Ньютон всех физиков мира зубастей,

Да над ним ведь не яблони — яблони минны висят,

Может быть, наш Рембрандт лежит на доске в медебанате,

Ампутацию правой без стопа переноса. Может, Костя Ракин из всех симфонистов планеты

Был бы самым могучим — осколок его не тронь,

А Майоров и Коган — ведь были бы такие поэты, —

Одиссею бы создали, если б не белгий огонь.

Нас война от всего отделила горящим залесном,

И в огне этих лет какая горит молодежь! Но не думай, мой сверстник, что так уж не повело нам,

В эти черные рамки не втиснешь нас и не запрешь,

Человечество будет гордиться моим поколением,

Потому что мы сделали все, что мы были должны,

Перед памятью нашей будут вставать на колени

Исцелитель проказы и открыватель Луны.

Да, все так, все горькая правда. Тысячи и тысячи талантливых поэтов, скульпторов, живописцев, физиков, металлургов, математиков не с пером, кистью, резцом или логарифмической линейкой в руках, а с грубым железным автоматом загордились собой в будущем, в котором спокойно могли бы трудиться открыватели Луны. Никто не знает, какие полотна, поэмы и научные открытия расстреляны фашистскими пулями на полях войны.

Итак, значит, все в этом стихотворении о жертвенности позволения было правдой?

Не надо и нельзя упрекать поэта Евгения Травина за то, что, сражаясь на фронте, между двумя боями, он увидел лишь половину, или три четверти, или семь восьмых правды.

Не в том дело, что в стихотворении не хватало правды искусства, а в том, что правда жизни оказалась выше и сильнее.

Открыватель Луны встает на колени перед памятью павших, но все дело в том, что он, открыватель Луны, сверстник и товарищ поэта, что он принадлежал к той же когорте, от лица которого написан стихотворение. И, скорее всего, сам — бывший фронтовик.

Значит, при всей талантливости и силе воздействия в стихотворении не хватало какой-то

метелю, какого-то едва ощутимого компонента, какой-то как бы незначительной поправки на время, на страну, на будущее.

Эта маленькая поправка не есть ли то самое, о чем мы говорим каждый раз, когда заходит речь о главном методе нашего искусства?

Создавая произведения о современной действительности, о сегодняшнем дне нашей жизни, о том, что окружает нас теперь, не должны ли мы всегда иметь в виду этот «компонент», это как бы незначительное, эту поправку на время, на страну, на будущее, на страну?

Но, в сущности, я отвлекся. Сказать хотелось о другом. Или, может быть, об этом же, но только с другой точки зрения.

Какой мощью, какой жизненной силой, какой ясностью цели и правотой должна была обладать страна, чтобы во время опустошительной, кровавой войны потеряв столько молодых, умных, талантливых людей, утратив столько ценностей материальных и потенциальных, тут же подняться на ноги и залечить раны, и оказаться впереди других стран и выше их — да простяте мне каламбур — на целую Луну.

Назовем вещи своими именами: это могла сделать только наша страна, только наше социалистическое государство. И то, что мы получаем спокойно воспринимаем сообщения о новых грандиозных успехах, о новых победах и новых свершениях — это-то и есть удивительное всего.

События далекого прошлого часто помогают нам яснее видеть настоящее. Люди умирают, а документы живут.

По роду журналистской работы мне пришлось недавно просмотреть множество различных мемуаров, журнальных статей и записок второй половины прошлого века. Поиски первоисточников привели меня в Центральный государственный исторический архив в Москве. Здесь я натолкнулся на любопытные документы, рассказывающие о том, как русские жандармы в своем служебном рвении искоренить кривошею боролись с призраками.

Не зная пограничных преград и таможенных барьеров, он появляется то в Венгрии, то в Польше, в Испании и Португалии, во Франции и Германии. Миллионы глаз на всех континентах с надеждой следят за его победоносным шествием, и из туманного Петербурга с трепетом всматривается влад русский царь. Карательные экспедиции и войска белого царя движутся по старым тропам, но призраки не уловимы. Вот он уже у границы Российской империи.

И 14 марта 1848 года Николай I издает манифест — отзвук этих событий: «...Запад Европы внезапно возложил на нас смуты, прозякающие испорченном законных властей и всякого общественного устройства. Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро распространился на всю Германию. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает в безумии своем и нашей, Богом нам вверенной России.»

Царское правительство становится на путь жестокой полицейской террора, беспощадной расправы с малейшим проявлением недовольства существующим режимом.

III отделение — международная шпионская контора, как ее называл Герцен, — стало высшей инстанцией, творец суд и расправу.

«А К НОМЕРУ ПРИСТАВЛЕН ПОЛИЦЕЙСКИЙ»

В один из весенних солнечных дней, 18 мая 1872 года, к причалу Одесского порта пришвартовался шедший своим рейсом из Константинополя пассажирский пароход.

Не успели матросы спустить трап на дебаркадер, как на пароходе в сопровождении жандармского офицера появились местные телеграммы.

Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы

Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы

Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы

Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы

Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы

Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы

Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы

Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы

Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы

Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы

Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы

Совсем не по-юношески тепло. Хорошо в такой вечер пройтись по родным улицам. Как много друзей вокруг. Вот и эти пятеро — все с завода имени Владимира Ильича — любуются городом, одевающимся в праздничный наряд. На снимке (слева направо): члены бригады коммунистического труда товарищи А. Зайцев и В. Сулов, пенсионер, участник гражданской войны П. Бывов, депутат Верховного Совета СССР старостиница В. Иванова, руководитель бригады коммунистического труда О. Кубарев. Фото М. Михайлова.

ОГНИ ПРЕДПРАЗДНИЧНОЙ МОСКВЫ

Шота РОКВА

ОКТАБРЬСКОЕ УТРО

Память детства сберегает разное. Но одно воспоминанье

горячей огня: мы идем в село на встречу с праздником,

за руку отец ведет меня. Я глазею, маленький, удивленно

сквозь рассветный дым, сквозь синий дым: золотые листья осени, знамена...

Красное перемешалось с золотым. И моих односельчан торжественные лица...

Песни — радостней, ряды — тесней... ..Продолжается мой светлый праздник, длится.

Площадь Красная. И я иду по ней. Много лет прошло. И скрылось детство.

Но шумит-шумит знамен прибой, словно так и не увел меня

одежда, малярского, с праздника

домой. Перевел с грузинского Булат ОКУДЖАВА

Как царские жандармы охотились за Карлом Марксом

События далекого прошлого часто помогают нам яснее видеть настоящее. Люди умирают, а документы живут.

По роду журналистской работы мне пришлось недавно просмотреть множество различных мемуаров, журнальных статей и записок второй половины прошлого века. Поиски первоисточников привели меня в Центральный государственный исторический архив в Москве.

Здесь я натолкнулся на любопытные документы, рассказывающие о том, как русские жандармы в своем служебном рвении искоренить кривошею боролись с призраками.

Не зная пограничных преград и таможенных барьеров, он появляется то в Венгрии, то в Польше, в Испании и Португалии, во Франции и Германии. Миллионы глаз на всех континентах с надеждой следят за его победоносным шествием, и из туманного Петербурга с трепетом всматривается влад русский царь.

Карательные экспедиции и войска белого царя движутся по старым тропам, но призраки не уловимы. Вот он уже у границы Российской империи.

И 14 марта 1848 года Николай I издает манифест — отзвук этих событий: «...Запад Европы внезапно возложил на нас смуты, прозякающие испорченном законных властей и всякого общественного устройства. Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро распространился на всю Германию. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает в безумии своем и нашей, Богом нам вверенной России.»

Царское правительство становится на путь жестокой полицейской террора, беспощадной расправы с малейшим проявлением недовольства существующим режимом.

III отделение — международная шпионская контора, как ее называл Герцен, — стало высшей инстанцией, творец суд и расправу.

«А К НОМЕРУ ПРИСТАВЛЕН ПОЛИЦЕЙСКИЙ»

В один из весенних солнечных дней, 18 мая 1872 года, к причалу Одесского порта пришвартовался шедший своим рейсом из Константинополя пассажирский пароход.

Не успели матросы спустить трап на дебаркадер, как на пароходе в сопровождении жандармского офицера появились местные телеграммы.

Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы

Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы

Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы

Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы

Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы

Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы

Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы Вашего сиятельства Числа телеграммы

ли напечатаны «Картины из русского быта» В. Дала, Перовского запросили, не тот ли это Дала, что служит у него в министерстве. Перовский призвал к себе Дала и выговорил ему, что, дескать, охота тебе писать что-нибудь, кроме бумаг по службе. Писателю было предложено на выбор:

«Оли писать — так не служить; коли служить — так не писать».

Даже цензор Никитенко искренне недоумевает надиде с самим собой: «Далю запрещено писать. Неужели и он попал в коммунисты и социалисты?»

Чтобы существовать в этих условиях, нужно было бы, по свидетельству Глеба Успенского: «...Не шевелиться, хоти и мечтать; не показывать виду, что думаешь; не показывать виду, что боишься; показывать, напротив — что «боишься» трепещешь, — тогда как для этого и оснований-то никаких нет... Уверенности, что человек имеет право жить, не было ни у кого...»

Такова была общественная атмосфера того времени.

История повторяется

Союз коммунистов во главе с Марксом и Энгельсом неоднократно упоминается в различных донесениях. В секретном архиве III отделения хранилась обстоятельная записка, составленная на основании полученных от директоров гандармской и прусской полиции сведений об организационной структуре и деятельности немецких революционных обществ. На этой записке, символизировавшей несомненно олицетворение «интернационала» в борьбе с неанастивной им свободой, имеется глубокомысленная пометка, сделанная рукой князя А. Ф. Орлова:

«Выписка эта представлена мне была графом Муравьевым. Сходство с тем, что у нас раскрывается, действительно поразительно».

Люди умирают, а документы живут. Много времени и событий отделяет нас от той поры. Но вздумается, как «зловещно» звучит и сегодня каждое слово этого полицейского «манифеста»:

«...Главное и самое могущественное средство против зловредных учений коммунистов и которого они сами опасаются всего более, заключается в противопоставлении коммунистической пропаганде другой — антикоммунистической, распространение между рабочими того правительственного убеждения, что коммунисты стремятся к водворению царства принуждения и произвола, к уничтожению личной свободы, что единственно путь для возвышения рабочих классов и прекращения их зависящего положения заключается в безразличности и накоплении капиталов.

Распространение здоровых начал политической экономии, особенно между рабочими классами, как мы это видим, например в Англии, усвоение ими правильного взгляда на необходимость и естественность существующих экономических отношений между трудом и капиталом составляет самое лучшее ограждение общества от заразы коммунизма».

Вряд ли требуются комментарии к этому циничному документу, главные аргументы которого охотно заимствуют сегодня заанкесные политиканы.

История повторяется. Идеологические оруженосцы капитализма всех мастей и оттенков, вроде автора пресловутого «Антикоммунистического манифеста» — кембриджского профессора Юта У. Ростоу, не решаются теперь уже называть вещи своими именами. Чтобы как-нибудь замаскировать подмоченную репутацию своей обанкротившейся системы, они придумывают для нее разные названия: «наредный капитализм», «гуманный капитализм», «демократический капитализм» и пр.

Поистине, если на собаку надеть марморин, как говорил Гейне, она лает задом.

КОЛЬЦО С ГРАНАТОМ

Парижская Коммуна, просуществовавшая 72 дня, была раздвинута стальной версальской контрреволюционной армией. А спустя два дня Маркс закончил известное воззвание «Гражданская война во Франции», где раскрыл всемирно-историческое значение Парижской Коммуны, как первой попытки создать пролетарское государство.

И полиция с новой силой продолжила охоту за призраком. «...Считано долгом сообщить Вашему превосходительству, — пишет управляющий III отделением начальнику Вар

шавского жандармского округа, — что упоминаемый в отношении к вам от 20 сентября с. г. за 1877 Ян Костецкий отправился уже из Лондона в Париж, откуда он едет в Галицию и Варшаву, как агент Карла Маркса, для образования секции Интернационала в окрестных губерниях России.

Костецкий имеет при себе небольшое золотое кольцо с гранатом, на котором вырезана голова императора Августа».

10 июля 1871 года президент Берлинской полиции услужливо сообщает III отделению «О происках в среде рабочих социального направления с целью распространения социально-республиканских идей»:

«...С предупредительностью готовы мы сообщить нужные сведения о немем австрийском подданном Лайтнере, который выезжает в Россию, чтобы действовать по делам партии Либкнехта и Бебеля для пропаганды».

ОПЯТЬ НЕУДАЧА...

В августе того же года III отделение получает новое, более сенсационное агентурное донесение. В нем говорится о скором прибытии в Россию под чужой фамилией «главного вождя коммунистов» — Карла Маркса. Сообщением это произвело впечатление разорвавшейся бомбы. И корпус жандармов начинает принимать надлежащие меры.

10 августа III отделение направляет всем начальникам жандармских округов секретные предписания:

«Председатель германского отдела Интернационального общества и один из деятельнейших членов оного литератор Карл Маркс с английским паспортом под именем Валласа (Wallace) намерен пробраться в Россию с злонамеренной целью.

Покорнейше прошу ваше высокоблагородие строжайше наблюдать за появлением упомянутого Маркса — Валласа в наших пределах и в случае задержания его телеграфировать в III отделение собственной его императорского величества канцелярии и ожидать распоряжения оного».

Маркс, как известно, проявлял глубокий интерес к России, к русскому народу, к его языку и литературе. Но оного по справедливости называли рыцарем классовой борьбы, в пределах Российской империи все не появлялся. А незадачливые бюстисты общественного порядка не унимались.

5 апреля 1872 года управляющий III отделением конфиденциально сообщает по начальству:

«Долго считано предупредить Ваше превосходительство, что по сведениям, полученным в III отделении собственной Е. И. В. канцелярии, сюда вскоре может быть послана из-за границы, для тайного распространения между молодежью брошюра под названием «Гражданская война». Эта брошюра переведена с немецкого языка на русский и напечатана в Цюрихе, сочинена членом Центрального Комитета Интернационального общества рабочих в Лондоне Карлом Марксом и есть восторженный панегирик Парижской Коммуны.

Покорнейше прошу Ваше превосходительство приказать наблюдать за появлением означенной брошюры в Петербурге».

Можно превратить страну в тюрьму для народов, но нельзя заковать в цепи живую мысль и победоносные идеи. Призывавшие из «голубого ведомства» окладиться в независимом положении урядника из горьковского петровщины:

У синего моря урядник стоит. А синее море шумит и шумит. И злоба урядника гложет. Что шума унять он не может.

Прошел еще год. И вдруг со станции Скуляны близ русской границы в III отделение приходит шифрованная телеграмма. Кавитан Саозов сообщает об аресте Валласа на границе (...он говорит по-русски). Но и на сей раз произошла ошибка. Опять пришлось писать объяснение в Министерство иностранных дел:

«...Задержан великобританского подданного В. Валласа по прибытии его из-за границы в Россию последовало вследствие заявления нашему правительству намерения одного лица, подлежащего аресту, пробраться в Россию с английским паспортом на имя Валласа».

Так закончилась поучительная история о том, как русские жандармы охотились за Карлом Марксом.

С. БУРДЯНСКИЙ

„Плотина Берингова пролива“

ОТКЛИКИ НА АЛЯСКЕ

Мечта советского инженера П. М. Борисова построить плотину через Берингов пролив, чтобы улучшить климат Арктики, поразила воображение многих американцев. Интерес ученых, политических и государственных деятелей Соединенных Штатов к этому предложению не ослабевает.

3 ноября агентство Ассошиэйтед Пресс передало из Джунго — административного центра Аляски, американского штата, особенно заинтересованного в осуществлении проекта, следующее сообщение:

«Губернатор Аляски Уильям Игэн попросил правительство США рассмотреть вопрос о совместном изучении с Россией возможности и выгод предложенной плотины через Берингов пролив.

В письме к государственному секретарю Кристиану Гертеру губернатор предложил, чтобы государственный департамент США «рассмотрел вопрос о том, какие выгоды с международной точки зрения даст совместное изучение».

Письмо было датировано 29 октября и было опубликовано в понедельник 2 ноября.

Потепление международной атмосферы, наблюдаемое ныне в мире, открывает широкие перспективы делового и творческого сотрудничества».

ЗЕМЛЯ: — Ну и путь проделан!

Рисунок для «Литературной газеты» итальянского художника Рауля ВЕРДИНИ

В ПРЕДВИДЕНИИ ВЕСНЫ

(Юношанне. Начало на 1-й стр.)

Музыка Прокофьева и Шостаковича. Я знаю, что поэзия почти не поддается переводу и что в переводе большинство переводчиков стихов Маяковского выглядят упрощенными, обедненными; но об этом я возмущался поэтов от Ионину до Чулки. Пожалуй, влияние его следует приписать скорее его обаянию, поэтической судьбе, нежели посредственности переводов. — Не так ли было с Байроном в тридцатые годы прошлого века?

Беспорно, что мы в свою очередь многим обязаны искусству Запада — от Сезанна до Хемингуэя, от «Семьи Тибо» до «Похитителей велосипедов». Мы видим за рубежом ряд значительных явлений: американская литература двадцатых и тридцатых годов, французская живопись этого же периода, своеобразный гений Пикассо, защита «маленького человека», которая неизменно вдохновляла Чаплина, архитектура Швейси или Голландии, мексиканская стенная живопись, латиноамериканская поэзия, новая итальянская кинопанорама, многое иное.

даже для, казалось бы, застрахованных от всяких размышлений героев «Майн стрит» Синклера Льюиса. Социалистическая организация общества казалась людям сначала наивной утопией, потом обаятельной затеей, потом опасной дьявольской махинацией, направленной на поправку человека; теперь о ней говорят самые различные люди, как о проблеме завтрашнего дня человечества.

Я хочу привести некоторые мысли Пьера Мендеса-Франса, недавно им опубликованные. Вышший премьер-министр Франции вышел из радикальной партии, которая долго верила в добродетели третьей республики и представляла чашу мира и благополучия средним французам. Мендес-Франс теперь пишет: «В 1789 году у нас свободы была разрушена существовавшая дотоле экономическая система корпораций. Тогда политическая свобода и экономическое обновление нуждались в так называемом либерализме. Совершенно очевидно, что в 1960 году положение иное: власть денег, экономические силы, рожденные либерализмом XIX века, теперь являются препятствием даже для политической свободы. Разве мы живем в режиме свободы, как мы то думаем, когда свобода печати доступна только для тех, кто может оплатить издание газеты?.. Разве мы полностью обладаем свободой мнений, выборов, если люди, обладающие средствами, могут отравлять, обманывать страну, направлять ее в сторону, противную ее интересам, толкать ее в бесконечным войнам, выгодным только для них? Нужно найти смелость и понять, что новый социальный строй необходим для независимости человека, для его свободы и что прием жулика смешивать политическую свободу с экономической свободой».

Конечно, у американских капиталистов вряд ли найдется смелость признать, что обанкротился не «затей красных», а капиталистическая организация общества, что они, как говорит Мендес-Франс, прибегают к жульническим приемам, выдавая свободу своего собственного обогащения за торжество общественной свободы. Но интересно другое: они еще хотят сохранить свои командные посты, но они уже не вышивают на двери медной досочки с горделивой надписью.

Лет полтора назад прогрессивный правитель Парагвая Хосе Франсиса именвал себя «диктатором свободной республики». Теперь реакционный и невежественный диктатор того же Парагвая ежедневно клянется, что он «рядовой гражданин и демократ». Что может быть разумнее капиталистической системы, построенной на свободной инициативе, — воссоздать четверть века назад президент Соединенных Штатов Гувер. Недавно мы слышали вице-президента Никсона, который уверял нас, что в Америке нет никакого капитализма. Может быть, в стране Гувера и Никсона радикально изменился социальный строй? Нет. Изменилось сознание сотен миллионов людей в пяти частях света. Еще недавно капиталисты гордо представлялись; теперь они стыдливо прячутся — хотят сойти не то за инженеров, не то за профсоюзников...

В одном французском журнале я прочитал такие рассуждения сторонника «холодной войны»: «Культурные связи, о которых любят говорить русские коммунисты, представляют собой еще один пример обмана. Запад всегда широко открывал двери для русской литературы и русского искусства, но никогда в Советском Союзе не станут переводить романы католических писателей, не станут выставлять картины художников, не зарекомендовавших себя «прогрессивными» подписками под различными декларациями, не станут даже слушать музыку, не проверив, за кого голосует тот или иной композитор. Коммунисты лучше всего знают буржуазное искусство... Я мог бы ответить сухой справкой. Двери Запада не были слишком широко раскрыты для нашего искусства. В течение двадцати лет «Броненосец «Потемкин» был запрещен в большинстве западных стран. Когда пять лет назад в Париж приехал московский балет, то правительство сошло опасным представлением столь «красного» балета, как «Лебединое озеро». В Соединенных Штатах почти не выходили переводы советских книг: два издателя мне откровенно писали, что это «опасно» — не для существования Америки — для их собственного существования. Всего два месяца назад один английский издатель говорил мне, что не может решить напечатать перевод моих «Французских утопий», так как в книге мимолетно упоминается о существовании расизма в англо-саксонских странах, а это может поставить издателя в затруднительное положение. Я мог бы напомнить, что у нас выходили романы католика Мерика, что никому не пришло в голову заинтересоваться политической позицией французских, английских или индийских художников, холсты которых мы могли видеть в Москве, что мы великоплетно знаем, как идеологически далеки от нас издаваемые советскими издательствами Моравия или Фолкер, что москвичи горячо аплодировали дирижеру Бернштаину, которого французский еженедельник «Экспресс» называл «воплощением американского духа». Но мне хочется поговорить серьезно о перспективах культурного сотрудничества».

Может быть, мои слова покажутся некоторым парадоксальными, я все же хочу высказать мое глубокое убеждение: буржуазное искусство не только нет, его никогда не было. Имелась и, конечно, имелась буржуазные суррогаты искусства. Я беру страну Западной Европы, где раньше, чем в других странах, сложился (и разложился, скажу к слову) капиталистический строй, — Францию. Перечислим ее крупных романистов XIX и XX веков — от Бальзака до Марте дю Гара — и Стендаля, и Флобера, и Золя, и Анатоль Франса. Кто из них был провидцем буржуазной идеологии? Художник не может лгать, это противно природе искусства. Бальзак, как известно, был человеком реакционных убеждений, но в романах он обличал то, что хотел в действительности сохранить. Конечно, во Франции были буржуазные писатели — если взять тот же отрезок времени — от Сcribe до Поля Морана; трудно в данном случае припомнить имена: книги невысокого качества иногда имеют успех, но они быстро забываются; все же назову еще некоторых: пьесы Дюма-сына и многих других с неизбежным треугольником «Муж-жена-любовник», романы Поля Бурже или Поля Алана, апологи колониализма Пьера Лоти и Жюль Фаррера, слащавая лирика Сюлли-Продомо. Это действительно буржуазная литература, но до чего это далеко от подлинного искусства!

Поглядим на наших современников — не на тех, кто разделяет наши идеи, но на писателей от нас далеких. Вот книги Хемингуэя и Моравии, Стейнбека и Сартра, Грина и Фолкера, Болдуэлла и Сароуна; можно ли найти в них защиту империализма, апологию колониального рабства, культ капитализма, идеализацию нравов буржуазного общества?

Мне скажут: вы забываете про «черную литературу». Действительно, зрелище жестокого существования при отсутствии веры в будущее порождает и порождает у некоторых писателей Запада ощущение безысходности. (Читателям по той же причине нравятся мрачные пьесы и естественно, что рядом с искренним пессимизмом фабрикуется подделка под него — мода есть мода.) Некоторые критики считают, что книги отчаявшихся писателей Запада — это попытка спасти капитализм, чуть ли не идеологическая диверсия; особенно часто они ссылаются на Франца Кафку, который умер в 1924 году и в романах которого, действительно безнадёжных, — ужасающее предчувствие свирепости и абсурдности нагнанный фашизма. Но вспомним произведения Чехова, относящиеся к восьмидесятым годам прошлого столетия; либеральные критики их причисляли не к «черной», но к «серой» литературе, некоторые уверяли даже, что Чехов, хочет он того или нет, подкидывает окружающее его бесправие. Что касается нравящихся кругов Соединенных Штатов, то они стараются пропаландировать не Фолкера, не Кафку, не Сартра, а весьма несложный оптимизм, обязательную улыбку, восторг перед внешним и душевным комфортом, развлекательные романы, «комиксы», серию продукции голливудской фабрики снов, — словом, все, что не позволяет человеку задуматься над смыслом и назначением жизни.

Некоторые явления в культурной жизни Запада свидетельствуют об известном упадке, хотя бы абстрактное или беспредметное искусство. Нельзя и его причислить к «троянскому коню» капитализма: настоящим капиталистам куда больше по душе зализанные «красивые» портреты их жен или любовниц, а если они покупают полотна абстрактных художников, то только потому, что от моды не уйти. Беспредметное искусство родилось не вчера, его можно найти даже в упадочный период минойской культуры — за полторы тысячи лет до нашей эры. Почему оно теперь полюбилось многим художникам Запада? Они видели изумительные работы своих предшественников — Сезанна, Пикассо, Ван-Гога, Матисса, Руо, Боннара — и не знали, что им дальше делать, как уйти от прямого изображения. Абстрактное искусство, на мой взгляд, это — временное затмение, слабая позиция, полнома высокой ступени жизни и декоративными элементами. Но если даже оно свидетельствует об оряхлении искусства в западных странах, то мы должны пожалеть таких художников, бояться их не приходится: ребенок может заразиться корью, взрослый человек — тифом, но нет бактерий старческого маразма.

Международное сотрудничество в области культуры предполагает обмен мнениями, знакомство с опытом других, взаимное обогащение. Мирное существование, которого мы добиваемся, — не переписка на год или на два года, это серьезное, искреннее предложение правительствам западных государств в споре о том, какая система лучше, представить права арбитра нашим детям и внукам. Когда мы добьемся конца «холодной войны», начата всеобщего разоружения, мы вступим в эру сотрудничества и соревнования. Мы стоим за дружеское сотрудничество не потому, что в той или иной области точных наук мы и сейчас вперед, а потому, что верим и в творческий гений народов, и в правдивость избранного нами пути. Обмениваясь с народами Запада художественными достижениями, мы постараемся с ними познакомиться не только в запуск спутников Марса или Венеры, но и в создании вечных спутников человеческого сердца.

Письмо американского друга

Я — СЫН этого века, ролившийся в его первое десятилетие. Я — американец, отец троих детей, автор кое-каких книг и нескольких десятков брошюр, редактор и основатель ряда журналов и других периодических изданий. Человек, не слыхом подверженный лени, — чувствую этой осенью необычайный прилив творческих сил, как никогда прежде. Вся моя работа на протяжении почти тридцати лет была посвящена в первую очередь укреплению мира между народами, и прежде всего между народами двух величайших стран — США и СССР. Тридцать лет я чувствовал себя, как человек, который бредет в густом, дремучем лесу, где всегда сумрачно, а порой и жутко; а сегодня я вдруг увидел впереди пробивающийся сквозь хаос луч света, предвещающий широкую дорогу.

Скажу об этом яснее. Я был в Геттсберге, где находилось пресс-бюро, когда секретарь Белого дома по вопросу печати прочел коммюнике, подписанное главами двух правительств. Я помню, с каким выражением «отчаянной надежды» слушали журналисты всего мира это заявление — заявление о том, чтобы решить все противоречия не насильственным, а мирным путем, и о том, что разоружение является сегодня самой насущной потребностью человечества. Да, я хорошо помню этот луч света, пронизавший лесную тьму.

Должен сразу же добавить, что, будучи сыном этого века, я видел немало трагедий и поражений, постигших человека при его попытках подняться выше. Я видел падение республиканской Испании, я был в Мюнхене. Нависшее легковере не принадлежит и числу моих главных недостатков. Чтобы добраться до просеки в лесу, по которой я бреду, требуется не только

осторожность, но также смелость и уверенность в своих силах. В чаще скрываются топи. Деревья, которые издали выглядят такими крепкими, могут оказаться гнилыми внутри и обрушиться на наши головы при внезапном порыве ветра. В чаще может быть, рыскают дикие кошки и хищные пантеры. Опасности подстерегают со всех сторон. Но, к счастью, я не Робинзон Крузо на необитаемом острове. Вокруг меня много людей, которые пробраются к той же цели. Я иду их путем, они — моим. Это гарантия того, что цель будет достигнута, несмотря на топи и на пантер.

Итак, в это утро накануне 7 ноября, признаюсь вам, я, как никогда, ощущаю твердую уверенность в скорой победе (не в победе вообще — эта уверенность у меня была всегда). Но сколько труда, слез и мучений предстоит еще вынести людям, прежде чем мир восторжествует над войной? — вот что было для меня всегда вопросом. Ответа пока нет, но в это осеннее утро 1959 года я чувствую, что цель ближе, намного ближе, чем когда-либо прежде.

Я утверждаю это, несмотря на сообщения лжекащей перело мной газеты о том, что Нельсон Рокфеллер, самый богатый человек в мире и губернатор моего штата, выступает как знаменосец несприятельского войска, стремящегося отвергнуть кэмп-дэвидское заявление, осмеять, облить его презрением.

Воот, большая топь, спрятанная в лесной чаще. Есть и другие.

И все же я не сомневаюсь, что темное слово будет принадлежать тем мужичкам и женщинам Америки, которые хотят мира. Сегодня, как и прежде,

Вилла «Тереза»

ОБРАТИЛИ ЛИ вы внимание на то, что весною человек не столь часто предаётся воспоминаниям, как осенью? Весною человек идет навстречу лету, радуется тому, что оставляет позади снег, туманы и грязь.

Я регулярно встречал 7 ноября в «Терезе», были и Вацлав Коцкевич — тогда еще редактор, всегда веселый Иван Ольбрахт, вечно юный Зденек Неудель, красивая, элегантная Мария Пуйманова. Круглого, всегда шумного В. Незвала можно было встретить здесь рядом с шуплым Ярославом Еженом, композитором из Освободенного театра. Часто приходил в советском товарищам и скромный режиссер Индржих Ровил, новатор среди новаторов Э. Ф. Бурман, создавший театр «Д-34», режиссер Иржи Фрейна, первым поставивший у нас советские пьесы, актер Выдра-старший со своим именем, тоже Вацлавом и тоже актером. Не могу забыть и об Адольфе Гофмейстер, который еще и сегодня хранит у себя карикатуры, сделанные им в вилле «Тереза».

Может быть, все это я лишь выдумываю... Я не люблю зиму и жду от лета чудес, которых оно обычно не приносит, поскольку рыб, которых мне удается поймать, оказывается меньше, чем мне хотелось бы, а грибы уже собрали грибки, встающие раньше мене. Еще мальчиком я представлял себе год, как нечто, не поддающееся описанию, как нечто, слегка поднимающееся с января до мая в гору, затем — от июня до сентября идет протяжная равнина, и, наконец, — вниз с холма... С холма и в пропасть, которая называется новогодней ночью. Первого января человек пробуждается где-то на краю бездны, в которую он вчера скатился после годового путешествия, — и снова подем.

Среди лиц, которых я регулярно встречал 7 ноября в «Терезе», были и Вацлав Коцкевич — тогда еще редактор, всегда веселый Иван Ольбрахт, вечно юный Зденек Неудель, красивая, элегантная Мария Пуйманова. Круглого, всегда шумного В. Незвала можно было встретить здесь рядом с шуплым Ярославом Еженом, композитором из Освободенного театра. Часто приходил в советском товарищам и скромный режиссер Индржих Ровил, новатор среди новаторов Э. Ф. Бурман, создавший театр «Д-34», режиссер Иржи Фрейна, первым поставивший у нас советские пьесы, актер Выдра-старший со своим именем, тоже Вацлавом и тоже актером. Не могу забыть и об Адольфе Гофмейстер, который еще и сегодня хранит у себя карикатуры, сделанные им в вилле «Тереза».

Странный образ, можно сказать, инфантильный. Он был создан много, когда я был мальчиком. Я уже привык к этой последовательности. Мне лишь кажется, что в заключительной части путешествия, когда я движусь по склону вниз, от сентября к декабрю, когда медные листья звенят у меня под ногами, особенно хорошо вспоминается. Во всяком случае, лучше, чем весной.

Лучше, чем имена, память моя вызывает лица, настроения, аромат. Ой, как синь там была от табачного дыма! Сколько и по сей день встречаю я лиц, которых впервые в жизни увидел там, сколько их иду и не нахожу. Они остались на полях битв последних тридцати лет...

Нынешняя осень у нас в Праге переделалась в летние одежды. И лишь недавно она начала вести себя, как и полагается средневропейской осени.

Моросило. Нет пешеходов на Итальянской улице. Я вышел из машины и повзвонил у ворот. Ныне в «Терезе» какое-то военное учреждение. Дверь открыл швейцар.

Она разрешила деревьям начать желтеть и туману ложиться и пыть вдоль Виллы. Она начала смыть пыль с башен и тротуаров, вынудив меня поднять стекла автомобиля, которая шла в это время по Итальянской улице.

Моросило. Я ехал от Виноград к бульвару, но внезапно остановился. В глаза мне бросилась вилла «Тереза».

Она стоит на углу Итальянской и Востовой улиц, за железным забором и железными воротами, на небольшом холмике. Ей может быть лет восемьдесят, а может, и больше. Она желтая, двухэтажная и совсем не пражская. Ее построили в каком-то псевдоимпериальском стиле. Эта вилла чувствовала бы себя гораздо лучше где-нибудь на склоне у Мерано или под Флоренцией, хотя для Флоренции она была бы слишком австро-венгерской.

И из-за нее, старой и некрасивой «Терезы», я остановился. А может быть, это осень виновата, что вдруг так легко поплыли воспоминания.

Сколько раз отмечал я праздник 7 ноября в вилле «Тереза»!

В это время в Праге не было Советского посольства. В вилле находилось торговое представительство СССР, а потом разместилась, кажется, дипломатическая миссия. Тогда я попал сюда впервые. Мы приходили после обеда — писатели, актеры и художники. Перед виллой, таясь, стояли полицейские в штатском и фотографировали проходящих. Они знали меня, а я знал их. Ведь они дежурили порой и в нашем театре. «Хотите в профиль?» — спрашивал я их. Они смеялись и уверяли, что в осенних сумерках снимки все равно не получатся.

Вряд ли я смогу описать виллу «Тереза» изнутри — из-за большого числа посетителей там ничего не было видно. Приходило столько народу, что не всем удавалось даже сесть. Мы стояли или пробрались через толпу, когда видели того, с кем хотелось поговорить. 7 ноября туда приходили, чтобы встретиться со многими хорошими людьми, с которыми обычно доводилось встречаться мало. Где я мог еще увидеть очаровательную Гелену Малержову, если не в «Терезе»? Од-

на я полагаюсь на здравый смысл моих соотечественников, на присутствие им мирнодобие, на их волю к миру. Я полагаюсь на многолетние наблюдения, которые подтвердились во время приезда советского премьера Хрущева: их подтвердил радужный прием, оказанный этому человеку, паломнику мира, который, однако, приехал не как другие паломники — с одним только кривым посохом. Напротив, перед нами предстал человек, говорящий от имени своего народа, от имени страны, гений которой проник в отдаленные пределы Вселенной, исследует Луну и готовится достичь звезд. Он говорил от имени народа, который смог осуществить все это благодаря тому, что организовал свою жизнь, свое будущее в соответствии с требованиями социализма.

Оставаясь американским патриотом, я приветствую расцвет социализма в любой части мира, потому что я всегда верил, что рано или поздно успехи социализма победят и мой народ избреть для себя преимущества этого строя. Я знал, что успехи социализма укрепят мир во всем мире, что для дела мира они имеют решающее значение. И я считаю, что сегодня в Америке все большее число людей начинает понимать положение дел в мире, хотя и в различных формах и в различной степени. Они уже поняли, что даже если ты ненавидишь социализм, ты не можешь его игнорировать. С ним нужно считаться и, что более важно, нужно жить с ним в мире. Короче говоря, это вопрос о мирном сосуществовании.

Американцы уже понимают, что если не обуздать атом, он может уничтожить большую часть человечества, что необходимо приручить атом и заставить его служить миру.

Вот почему сегодня в нашей стране посядутся наблюдать новое пробуждение людей к активной общественной деятельности. Приведу один пример: около 1500 выдающихся деятелей Голливуда собралось несколько дней назад, чтобы высказать свое мнение о здоровой политике в области атома. Они собрались, чтобы услышать выступление известного журналиста Нормана Казина, редактора «Сатердей ревью», об опасности атомных испытаний и внешней политике, основанной на атомном вооружении. Выдающиеся деятели кино и телевидения были избраны в руководство комитета, созданного для борьбы за запрещение ядерных испытаний. Казин произнес следующие знаменитые слова: «Долгое молчание означало Голливуд снова включается в борьбу за общественные интересы». Актер Роберт Райан — сопредседатель комитета — сказал: «Работники Голливуда, наконец, решились выступить в защиту чего-то, кроме материнской любви». Как сообщает «Нью-Йорк таймс», Райан и другие присутствовавшие заявили, что этот митинг «знаменует возрождение политической мысли в Голливуде», которая, по словам одного из выступавших, была «под спудом со времен «следствия над красными» в 1947 году — со времен репрессивных методов Маккарти».

Я присутствовал на этих процессах и писал о них. Десять голливудских сценаристов были отправлены в тюрьму и отбыли там заключение. Сотни людей подверглись травле и ушли из Голливуда.

Сегодня, осенью 1959 года, произошел поворот. Наступило потепление. Это может не нравиться Рокфеллеру, это может не нравиться Истляуду; они и их приспешники могут доходить до своих излюбленных крайностей, но я думаю, что это удастся им не больше, чем тому средневековому королю, который приказал потоку остановиться.

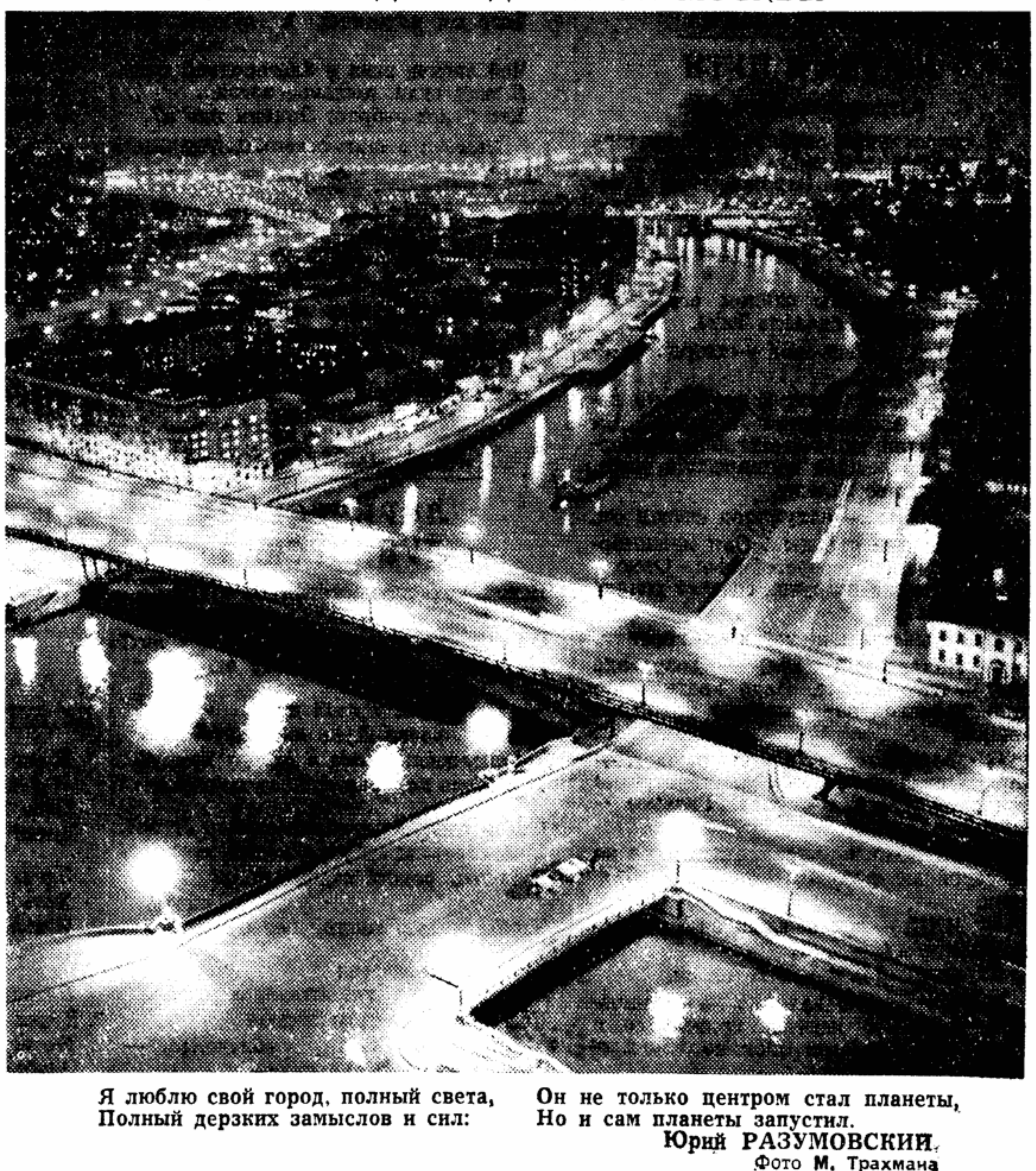
Мне кажется, что Эдлай Стивенсон, лидер демократической партии, точнее всего выражает общественное мнение, хотя он говорит, что мир может быть, находится на заре новой эпохи, когда он настаивает на серьезном изучении предложений премьера Хрущева о разоружении и утверждает, что прошло время, когда мы могли основывать внешнюю политику на превосходстве вооружения.

Да, он близок к реальному оценке. И поскольку повсюду в нашей стране существуют он и подобные ему, я чувствую себя этой осенью 1959 года моложе, чем в течение многих лет, — мо-ложе, хотя годы мои не уменьшаются, моложе потому, что даже в ноябрьскую погоду я ощущаю свежее веяние мира, чувствую, что оно возбуждает над ледяной бурей «холодной войны».

Потому я с радостью, от всего моего молодого сердца шлю вам искренние приветствия по случаю великого события — сорок второй годовщины вашего героического Октября.

НЬЮ-ЙОРК, 4 ноября (По телеграфу)

ОГНИ ПРЕДПРАЗДНИЧНОЙ МОСКВЫ

Я люблю свой город, полный света, Полный дерзких замыслов и сил. Он не только центром стал планеты, Но и сам планеты заступил. Юрий РАЗУМОВСКИЙ. Фото М. Трахмана

ПОДАРОК СТОЛИЦЕ

МЯГКИЙ люминесцентный свет летит в зрительный зал из 43 светильников. Ступенчатый партер и створчатая установка позволяют видеть и слышать с любого места. И зимой, и летом благодаря кондиционированию воздуха в зале свежая, приятная атмосфера. Предусмотрено все, чтобы зрителю было хорошо и удобно.

В гримерных комнатах — специальные шкафы, на которых можно по экранам производственно-художественных мастерских Театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Сцена полностью механизирована.

Все это сделали коллективы театра «Москвитин», «Москвитин» № 1 в подпольном здании в камуфляжной атмосфере. Они построили в саду «Аквариум» прекрасное здание на 1200 мест, в котором будет работать Театр имени Моссовета.

ЛИТЕРАТУРНАЯ НА ЛУНЕ ГАЗЕТА

О ЗАПУСКЕ КОСМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ БРИГАДЫ

На днях на Луну отправилась выездная бригада «Литературной газеты» — большая группа писателей и поэтов. При помощи новейших телевизионных средств художника И. Игину и И. Семенову удалось получить изображения членов бригады в процессе освоения Луны. В первом ряду (слева направо) — С. Михалков, А. Твардовский, В. Захарченко, М. Турсун-заде, С. Липкин, М. Алигер; во втором ряду —

Р. Гамзатов, Е. Долматовский; в третьем ряду — Г. Николаева, С. Щипачев, В. Солоухин, А. Прокофьев, К. Чуковский; в четвертом ряду — А. Казанцев, М. Светлов, С. Смирнов, И. Эренбург, Е. Евтушенко.

Ниже мы печатаем первые лунограммы, полученные от членов бригады «Литературной газеты» на Луне.

Василий ЗАХАРЧЕНКО

ХОЧЕТСЯ ПЛАКАТЬ... (Радиорепортаж)

Когда по-писательски взволнованной ногой я ступил на поверхность Луны, — я по-хорошему содрогнулся. Мне хочется плакать... Впрочем, нет, плакать я буду несколько ниже. Мучительно хочется мыслить образами. Хотя бы несколькими. Пусть даже одним. Я так душевно растереблен, что буду говорить мазками, не связывая их друг с другом. Вы сделаете это сами в свободное время. И если получится не то, — значит, неправильно сложили. Итак, мазок первый. Впрочем, я так тороплюсь, что начну с мазка четвертого:

... Брюссель. Всемирная выставка. Я. Мимо меня проходит пожилая дама. Она что-то говорит своему спутнику на чистейшем бельгийском языке, указывая на меня. Я не понял — очевидно, какая-нибудь неперевождаемая игра слов. Оказалось, они приняли меня за экспонат. Мы разговорились. Собственно, говорили я. На прощанье она сказала мне на чистейшем бельгийском:

— Вася, то есть Базиль, мы торопимся, до свидания.

И я, непринужденно улыбаясь, нахотично ответил:

— Пока.

На чем я остановился? Ах, да, на Луне. Я буду говорить о ней уже не как писатель, инженер человеческих душ, но просто как инженер — как редактор журнала «Техника, молодежь и я», говорить не мазками, но прозительно точными цифрами и нестерпимо научными фактами. Вам будет интересно узнать, что Луна — круглая. Да, да, не спорьте, это так, это поразительно, это умопомрачительно и — я не боюсь этого слова! — это лунозатмительно. Мне хочется плакать... Впрочем, нет, кажется, я уже плакал несколько выше.

Сергей МИХАЛКОВ

ДЯДЯ СТЕПА — АСТРОНОМ

Головою дядя Степа
Заведает облака.
Он стоит у телескопа
И волнуется слегка.
Улетел и был таков
Степан автор Михалков.

«Что он пишет на Луне?
Может, слова обо мне?
Вася? Песни? Содоклады?
Сто статей или сто речей?
Может, пишет клоунады
Он для лунных циркачей?»
(Цирки, как давно известно,
Там открыты повсеместно).
— Все на свете, кроме пьес,
На Луне теряет вес.
Я пишу, конечно, пьесы! —
Услыхал Степан с небес.

Александр ТВАРДОВСКИЙ

НОВЫЕ МИРЫ

Сосед мой закурить собрался,
Дымок свивается в спираль,
Еще такая даль до Марса,
А там еще другая даль.

А там еще, коль хватит прыти,
Коль должный наберем разгон,
Пойдут Венера и Юпитер,
Сатурн и, так сказать, Плутон.

Глажу в окно. Морозно, мглысто,
Скользнул улейкой метеор,
Со мной заводят два радиста
Литературный разговор.

Шумят: — Давайте прозу шире!
А я: — Терпите до поры,
Оставим речь о «Новом мире»,
Летя на новые миры.

Галина НИКОЛАЕВА

ЖАТВА В ПУТИ

(Отрывок из романа)

В сокровенной глубине карбюратора
глухо влохотал бензин. В кожухе трактора
зябла дыра. Зародившийся в порочном
чреве чугунотейного цеха,
противовес, сорвав крепежные болты,
преодолев земное притяжение и улетел
в космос.

— Милый... Мы найдем его, — тихо,
почти молча, сказала Тина.
— Тина, рыба моя! — твердо ответил
Бахрев.

...Прижавшись друг к другу, они лежали
на межпланетном корабле. На коврах,
затянувших стены кабины, толстым
слоем лежала космическая пыль.

Он пожал ее пальцы.
— Пальцы... задумчиво сказал он.
— Поршневые пальцы... Они мелкозернисты
и малюноустойчивы. Отсюда пульсирующая
нагрузка создает усиление на разрыв...

Она прижалась щекой к его коленям.
— Коленчатый вал... — возразила она.
— Это важнее. Надо вводить кожную
и пескоструйную машину на литье,
милый!

— Формовочная земля решает, — горячо
сказал он. — Нужен строгий тепловой
режим в опоках. Главное — формы.

Он мелком, по-мужски, взглянул на ее
стройные формы и сказал ее в объятиях.

— ЧЛД, — прошептала она, прижимаясь
к нему.

— ОТК, — нежно ответил он.

Кабину плавно качнуло на космическом
узде. Он плотнее прижал ее и стал
развивать свой план поточно-масового
производства.

Илья ЭРЕНБУРГ

ЧАСЫ ПИРАМИДЫ ХЕОПСА

Когда Сомерсет Моэм писал «Луна и грош», я был у него в гостях. Мы пили кьянти и говорили о поэзии. «Хау ду ю ду», — тихо произнес писатель. Я понял, что он хотел этим сказать.

И еще одна встреча. Это было в Марселе, тридцать лет тому назад. В глухую полночь я увидел на мосту бедно одетую девушку. Прищурился, она напряженно вглядывалась в лиловое небо. Для нее, скромной мидинетки, луна была недоступна. Я отдал девушке свой бинокль. Она сказала «мерси» («спасибо»). У нее была чистая душа и глаза доверчивые, как фиалки. Говорят, что Флюбер не выносил запаха фиалок. Клемансо, напротив, разводил анютины глаза. (В душе он предпочитал королевские лилии).

Древние египтяне отрицали существование луны. Но жизнь взяла свое. Создавая «Лунный свет», Моассан яростно бичевал клерикалов. Они злобно вили на луну, испившись гнилыми зубами в бахрому истории. Но к тому времени рыбацкий сын Коперник уже проложил лунную дорожку. То, что было далеким, стало вдруг близким.

«Смотри, планета!» — шепчет аргентинский счетовод своей любовью. «Она летит к Луне», — повторяют в один голос кондукторы Занзибара, архитекторы Огненной Земли и невропатологи Антарктики.

Когда Гоген писал мой портрет, я думал о том, что Жюль Верн был прав.

Я помню тихий вечер в Вальпараисо. Луна была затянута облаками. «Это ненадолго», — сказал мне Рамон Родригес, портовый рабочий, отец семерых детей. Он был тоже прав...

Когда часы на пирамиде Хеопса пробьют двенадцать, мы вернемся на родную Землю.

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

НЕВЕСТА НОЧИ

Невеста ночи, мы, как женихи,
Летим к тебе, неся свои стихи.
Того ты вступишь в лунный свой чертог,
Чей звонче стих и благородней слог.
Я жду суда, дышащее затаю...
Кто будет избран: Липкин или я?
Перевел с таджикского С. ЛИПКИН

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

НЕ ХОЧУ..

Мы живем у привычек в плену,
Всюду слышим песок в гололедицу.
Не хочу я лететь на Луну,
А хочу на Большую Медведицу.

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

ЛИРИЧЕСКАЯ- ЛУНИЧЕСКАЯ

Ясной ночью весенней на Луне
Мой товарищ задавал вопросы мне.
Он спросил меня: люблю его или нет?
Из скафандра я дала ему ответ:

— Посмотри, милый друг,
Как прекрасна Луна на закате!
Долматовские песни я слышу вокруг,
И любовь глубока, словно кратер...

Сталь ракеты серебрилась под Лунной.
Мой товарищ до утра ходил со мной.
Наконец, решил скафандр он
снять,
Чтобы милую сподручнее обнять.

Но едва он пошел
Протянуть ко мне сильную руку,
Как в космическом холоде
обледенел, —
Это всем ужасорам наука!

Расул ГАМЗАТОВ

САБЛЯ ОТЦА

...ли отец мой, ни дед мой, ни прадед
Не сложили стихов на Луне,
Потому, коль признаться по правде,
Начинать как-то боязно мне.

Я над первой строкою колдую,
Я для песни начало ищу
И отцовскую саблю кривую
Я о лунные камни точу.

Искры брызжут и тонут в тумане...
Не остыньте в полете своем,
Упадите в моем Дагестане
Ослепительным звездным дождем!

Степан ЩИПАЧЕВ

НЕБЕСНОЕ ТЕЛО

Я свой шлем положил на колени
И походный раскрыл чемодан,
Там — лиловая ветка сирени,
Твой подарок — земной талисман.

По Луне я в раздумье блуждаю,
Про земное сужу бытие.
На Луне я с тоской вспоминаю
Про небесное тело твое.

Владимир СОЛОУХИН

ВСЕЛЕНСКИЕ ПРОСЕЛКИ

Я все приучен делать с толком,
И я на этот лунный ком
Шел не владимирский проселком,
Летел Вселенским большаком.

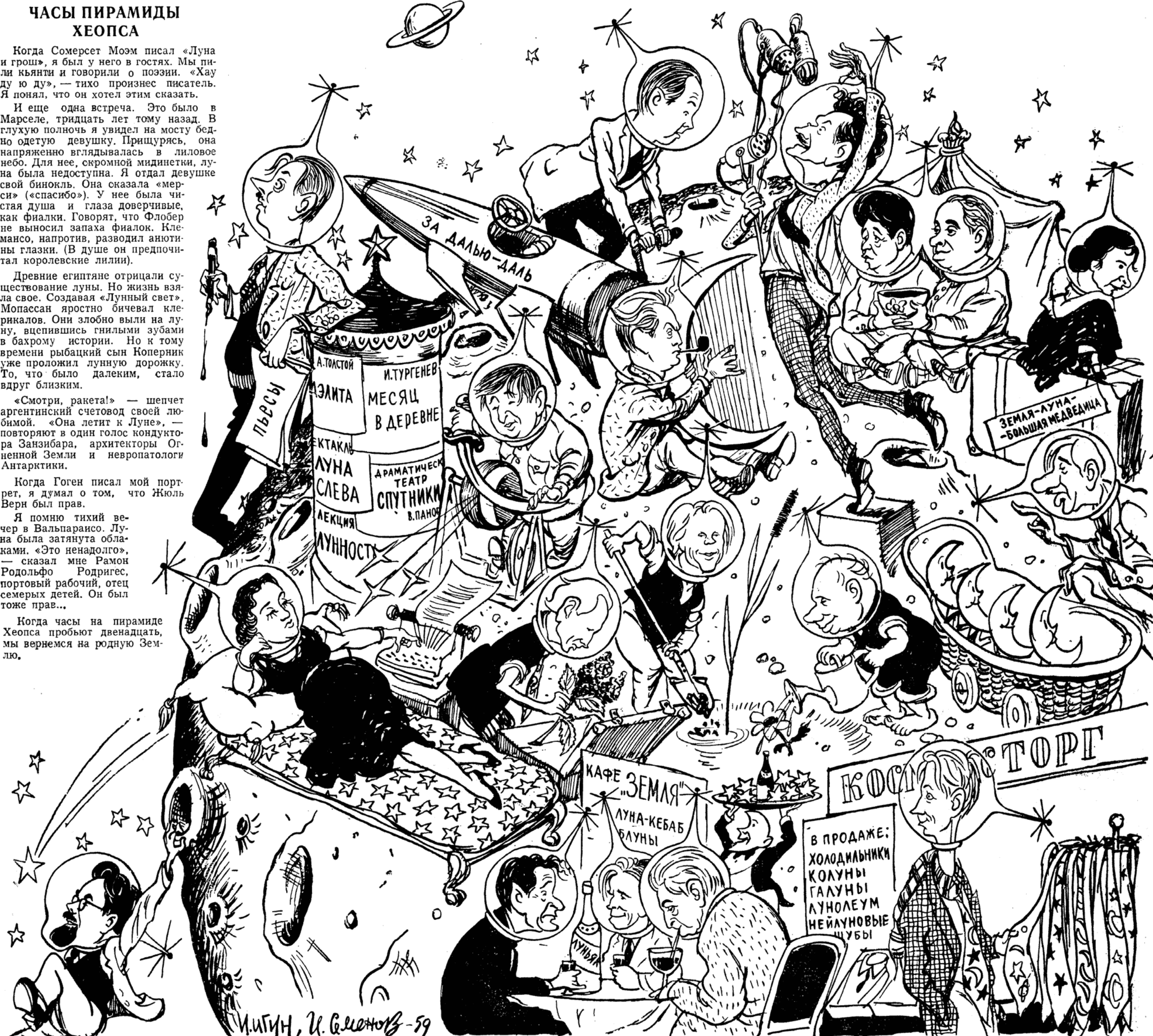
Здесь хорошо. Здесь интересно.
Хоть бед травы тоскует взгляд,
И скажем прямо, это место
Пока еще совсем не сад.

Безводны лунные озера,
В них не напьется даже мышь,
Но верю я, что скоро-скоро
Здесь заколется камыш.

Наш взлет все выше, шаг все шире!
Деда великие творца,
Борьбой за мир в подлунном мире
Встречаем праздник Октября.
Наш мирный праздник дважды ярост:
В его торжественный канун
Мы получили, как подарок,
Прирост в семье советских «лун»!
Легко порвал земные путы,
Наш новый «лунник» в полминуты
(А может, в сотую одну, —
Я на досуге подсчитаю),
Сказав: «Спокойно! Я снимаю»,
Сфотографировал Луну.

Пусть говорят, что мы — о, враки
Иных из западных газет! —
Хотим присвоить лунный свет.
Так полагаются: собаки
Луну облаивать должны...
Мне жаль облаивной Луны,
Но тех нельзя переубедить,
Кто все облаивать готов.
Ну, что ж, к созвездию Гончих Псов
Таких придется «присобачить».
...Вступив на лунные пути,
Мы тоже решили о фонде науки
Свой вклад писательский внести.
Итак, газета наша рада

(Бровей скептически не ммурь)
Всем сообщать, что лунобригада
Уж приучилась в Море Бурь.
Уж там участники бригады
Впервые сделали доклады.
Уж в литактив вовлечены
Все обитатели Луны.
Кипит, по данным литотчетца,
Литературная работа.
Но.. новых книг покуда нет:
Еще не вышли в лунный свет!
Итак, читатель, шли советы:
«Луна, Бригада Литгазеты»,
Эмиль КРОТКИЙ

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

Расул ГАМЗАТОВ

Степан ЩИПАЧЕВ

Владимир СОЛОУХИН

Александр КАЗАНЦЕВ

ФОБОС, ДЕЙМОС И Я

Вездех, пофыривая, вышел сухим
из воды. Дальше пути не было. От волнения
и командора зачесался кончик носа.
Рефлекторно направившись на
выручку носа указательный палец
беспомощно ткнулся в лицевое стекло скафандра
и уял.

Вдруг вдалеке что-то зашевелилось.
Вакула Милановичу сначала показалось,
что это клопы. Они двигались
неудовольственно, угрожающе, толпою
на пассажиров вездехода. Вакула Миланович
уже приготовился скомандовать
в шлемофон — «дезинсектал, к бою!»
как электронный робот послал
мощное предупреждение не торопиться
с выводами.

А вокруг цвели огромные хищные
соцветия и ярко светило какое-то
еще необузданное светило. Наскоро
поставив своих спутников в известность,
что тунгусский метеорит — это миф,
а марсианский корабль — реальность,
Вакула Миланович остроумно покривил
Главарестрой за несовершенство
построенных спутников — Фобоса и Деймоса,
которые так и не решили жилищной
проблемы на Марсе. В результате
этого, сказал командор, марсиане
остылились на Землю и зачали род
человеческий.

Алена Протодьяконович, который за
свою недолгую жизнь на Земле основательно
привык считать себя потомком
обезьян, даже присвистнул —
«А чем вы это докажете?» — спросил
он хриплым голосом.

— Мое дело утверждать! А вы попробуйте опровергнуть, — отчеканил
командор.

В это время робот беспомощно припал
к плечу командора и зарыдал на
всю планету. В его памяти были
записаны все реакции читателей на фантастические
романы.
— А зачем мы поехали на Марс,
когда вся бригада ждет нас на Луне?
— Фантасты всегда должны быть
впереди, — ответил ему командор. В это
время что-то с гулом упало на планету.
Это был автор. Как выяснилось, он
неожиданно свалился на Марс с Луны.

Александр ПРОКОФЬЕВ

ОЙ!

Ой, луну-луну-лунешеньки,
Я на лунной на ладошеньке.

Ой, луну-луну-лунешенька,
Ты играй, моя гармошенька.

Ой, Луна-луна-лунашечка,
Я хожу, пою, как патешка.

Корней ЧУКОВСКИЙ

КОМАРИШКА

Грустно-грустно комаришке шалуну:
— Почему меня не взяли на Луну.

Утешает комаришку Аллобет:
— Не печалься, — шалунинше
говорит. —

Михаил СВЕТЛОВ

Я КОСМИЧЕСКИ МОЛОД!

Нас до Луны размах науки поднял.
Но почему в космической дали
Я так хочу расцеловать сегодня
Встревоженную мордочку Земли?

Артистические льды посеребрили
Ее когда-то черные виски,
Но все мы Землю в юности любили,
Курчавые мальчишки-сосунки.

Так не скачай же, милая планета,
С которой шло я сквозь огонь и дым.
Пускай стал лет несет меня ракета,
К тебе вернусь я прежним,
молодым.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ.

Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА,
В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам.
главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ,
В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

Сергей СМЕРНОВ

ЛУННЫЕ БАСНИ

Чиж для своей жены с Луны
Привез в подарок валуны.

Гусь шел по Млечному пути,
Но молока не мог найти.

Ерш, где-то тапнувши ерша,
Запел: «Венера хороша!»

Слоны не падают с Луны.

Евгений ЕВТУШЕНКО

ОБО МНЕ И О ЛУНЕ

Луна. Луна. У Луны. Луною.
Луна рифмуется со мною.
Луна сегодня так бледна,
безжизненна и холодна,
но кое-что вполне земное
бывало у меня с Луною.

Я прожил мало лет и зим,
а вот уже неострашим.
О, женщина! У ей в душе
Одно лишь расцеловать сегодня
Встревоженную мордочку Земли?

Артистические льды посеребрили
Ее когда-то черные виски,
Но все мы Землю в юности любили,
Курчавые мальчишки-сосунки.

Так не скачай же, милая планета,
С которой шло я сквозь огонь и дым.
Пускай стал лет несет меня ракета,
К тебе вернусь я прежним,
молодым.

Вот вам примерно круг идей
о космосе и о Луне.

Литературные пародии-лунограммы
приняты и подготовлены к печати В. Берестовым,
Э. Иодковским, В. Островским, З. Паперным,
Н. Разговорным и А. Рейхверном.